

УДК 378.4(437.6)

**ВКЛАД УЧЕНЫХ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В РАЗВИТИЕ СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ
(1920-е – 1940-е гг.)**

В. Д. Шалькевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, viktoriasshalkevich@gmail.com*

Данная статья посвящена вкладу ученого из Восточной Европы, историка-слависта, Перфецкого Евгения Юлиановича в словацкую академическую науку, а также особенностям его академической карьеры. В статье приводятся научные достижения ученого, причины его выбора Словакии в качестве места для научной деятельности. Также анализируются факторы, способствующие или препятствующие успешной интеграции ученых в академическую среду Словакии. Раскрывается вклад восточноевропейских ученых-гуманитариев в развитие словацкой академической науки и сформулированы общие тенденции и особенности их деятельности в период после Второй мировой войны.

Ключевые слова: восточноевропейская историография в эмиграции; словацкая историография; интеракция науки.

**CONTRIBUTION OF SCIENTISTS FROM EASTERN EUROPE
TO THE DEVELOPMENT OF SLOVAK ACADEMIC SCIENCE
(1920s – 1940s)**

V. D. Shalkevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, viktoriasshalkevich@gmail.com*

This article is devoted to the contribution of a scientist from Eastern Europe, a historian-Slavist, Perfetsky Evgeny Yulianovich to Slovak academic science, as well as the peculiarities of his academic career. The article presents the scientific achievements of the scientist, the reasons for their choice of Slovakia as a place for scientific activity. The factors contributing to or hindering the successful integration of scientists into the academic environment of Slovakia are also analyzed. The contribution of Eastern European humanities scientists to the development of Slovak academic science is revealed and the general trends and features of their activities in the period after Second World War are formulated.

Keywords: Eastern European historiography in exile; Slovak historiography; interaction of science.

Для эмигрантов, вынужденных покинуть Восточную Европу после 1917 г., межвоенная Чехословацкая республика стала важным образовательным и научным центром. Президент Чехословакии Т. Г. Масарик сформулировал новое отношение своей страны к славянской проблеме. Он

отрицал панславизм как идеологическое обоснование политической жизни и в Чехословакии, резко осуждал теократию, монархизм и милитаризм, отвергал монархические, феодальные и клерикальные основы идеи славянской взаимности. В связи с этим идея утверждения в Чехословакии демократических основ общественного устройства была поддержана многими представителями русской эмиграции. Взгляды Масарика на необходимость создания нового демократического славянского мира, а также на историческое развитие России как европейской страны, имели значительное влияние на благосклонное отношение к эмигрантам из большевистской России, которую в Чехословакии не признавали [1, с. 7–8].

Так, беженцы, покинувшие Россию после окончания гражданской войны, стали прибывать на территорию Словакии, начиная с 1921 г. Первоначально Словакия, как составная часть межвоенной Чехословакии, выполняла для большинства беженцев роль транзитной территории, но часть изгнанников здесь задержалась: одни поступили на учебу, другие нашли работу и впоследствии остались на постоянное место жительства. Так в начале 1920-х гг. в Словакии сформировалось русское эмигрантское сообщество. По сравнению с Чехией и другими европейскими центрами русского зарубежья русская колония в Словакии, не была значительной, составляя от 2500 до 3000 человек.

Центрами русской эмиграции в Словакии стал ее новый политический центр — Братислава, и крупнейший восточнословацкий город Кошице. Здесь образовались наиболее представительные сообщества, возникли эмигрантские общества и союзы, была сосредоточена общественная и культурная деятельность русских эмигрантов в Словакии.

Таким образом, словацкая научная жизнь и сфера высшего образования в начале 1920-х гг. сосредоточивалась, прежде всего, вокруг Университета им. Яна Амоса Коменского в Братиславе. Молодой, основанный в 1919 г. университет, решая проблему кадрового обеспечения некоторых научных дисциплин, был готов открыть свои двери для иностранных специалистов. Прибывшие в Словакию российские ученые, прежде всего, связали свою жизнь именно с этим учебным заведением.

Первым в Словакию в 1921 г. приехал историк Евгений Юлианович Перфецкий (1888–1947). Он начал работать в качестве ассистента исторического семинара на философском факультете Братиславского университета. В 1922 г. он получил звание доцента российской истории, по специализации «история Подкарпатской Руси». В 1935 г. президент республики присвоил ему звание экстраординарного профессора. В течение всего периода его работы на философском факультете (вплоть до самой смерти в 1947 г.) он преподавал историю восточных славян, историю России и

историю Подкарпатской Руси. Последняя тема долгое время оставалась приоритетным направлением и в его научных исследованиях. Этой теме он посвятил ряд монографий и множество статей. Другой ведущей областью научных интересов Перфецкого во время его пребывания в Словакии была древнерусская история, прежде всего, в экономическом, философском и культурном аспектах. Кроме того, ученый принимал участие в работе научных обществ: Ученого общества им. П. Й. Шафарика в Братиславе, Чехословацкого общества по изучению вопроса о нацменьшинствах в Праге. Не забывал он и о популяризации истории России в Словакии, чему способствовало чтение многочисленных лекций по всей стране [2, с. 66].

При этом Перфецкий анализировал разные источники, в том числе и летописные своды, применяя сравнительно исторический метод, разработанный академиком А. А. Шахматовым. В 1922 г. в «Трудах философского факультета университета Коменского» Перфецкий опубликовал исследование «Русские летописные своды и их взаимоотношения», посвящённое сопоставлению различных памятников книжности Древней Руси, среди которых была и «Повесть временных лет». Спустя десять лет учёный сравнил русские летописи с двенадцатитомной «Историей Польши» Яна Длугоша, работу «*Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví*» издали на чешском языке. В областях историографии и истории литературы это был один из первых опытов компаративистики применительно к древним текстам. Работая над статьёй, учёный рассмотрел фрагменты «Повести временных лет», сообщающие о разделении земель, расселении племён, и другие сведения, помещённые в начале памятника. Известна и третья работа Перфецкого о летописании: «К вопросу времени возникновения Никоновского летописного свода» («*K otázce doby vzniku letopisného svodu Nikonovského*»), опубликованная в журнал «Bratislava». В ней автор поднимал вопрос о временной атрибуции источника Никоновского свода [3, с. 107 ЖИГАЛОВ].

Если рассматривать проблему «Истории Польши» Длугоша более подробно, то необходимо отметить следующие моменты. Перфецкий предпринял попытку реконструировать вариант «русской протолеписи» посредством сравнения «русских» известий, содержащихся в хронике Длугоша, «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, при этом называет его «Перемышльским» сводом. Результаты изысканий Перфецкого, определившего «Перемышльский» свод как памятник, производный от «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, были поставлены под сомнение М. Н. Тихомировым, который со своей стороны, высказал предположение об использовании Длугошем более раннего по

времени возникновения в сравнении с вышеупомянутыми памятниками летописного источника, содержащего сведения о древнейшей истории Руси, который был доведен до смерти Владимира Святого [4, с. 36].

Кроме того, как уже упоминалось выше, Е. Ю. Перфецкого следует относить к прямым ученикам и последователям А. А. Шахматова в изучении летописей. Можно сказать, что значительная заслуга Перфецкого состояла в том, что он, применяя идеи и приемы своего учителя к изучению русского летописания XII и XIII вв. и идя по путям уже намеченным и построенным Шахматовым все-таки применил эти приемы к изучению тех летописных источников, которыми Шахматов детально не занимался.

Так, при изучении одной из своих центральных проблем, летописания после рассмотрения «Повести временных лет», Перфецкий взял более широкую тему и включил в орбиту своего внимания больший массив летописных текстов. Основная идея, на которой базируются дальнейшие разыскания Перфецкого, — возникновение в XII в. двух крупных летописных ветвей: южной (Ипатьевская, Хлебниковская и др.) и северной (Лаврентьевская, Радзивилловская, Троицкая, Летописец Переяславля-Суздальского и др.). Он выделяет также отдельную группу текстов, восходящих к древнейшему общерусскому своду — Владимирскому Полихрону и поэтому соединяющих в себе южный и северный материал. Он называет эту группу текстов «группой Полихрона». В нее Перфецким включалась Тверская, Львовская, Воскресенская, Никоновская, Новгородская IV, Софийская I летописи и летописный текст, использованный в хронике Яна Длугоша. По его мнению, протографы текстов «группы Полихрона» хотя и были созданы позднее протографа Лаврентьевской и сходных летописей, но сохранили более древние черты и восходили к более старшей редакции. Поэтому именно эти тексты широко использовались Перфецким для реконструкции летописания XII в. [5, с. 439–440].

Таким образом, можно сказать, что первые российские ученые и преподаватели высшей школы прибыли в Словакию в начале 1920-х гг. XX в. Молодое чехословацкое государство использовало их научный потенциал для кадрового пополнения формирующейся высшей школы. Проявила интерес к восточноевропейским ученым и словацкая сторона, так как речь шла о специалистах высокого класса, об ученых, признанных в кругах профессионалов. Поэтому их деятельность на разных факультетах словацких вузов повышала реноме этих учебных заведений.

При всем при этом не были разорваны связи с другими учеными-эмигрантами из России, проживавшими в Европе, поддерживались контакты с российским эмигрантским сообществом в Словакии. Так, Е. Ю. Перфецкий, который в июне 1928 г. обратился к российскому коллеге, специалисту

по летописанию Н. Ф. Лаврову, прося поддержки в публикации на родине одного из своих трудов, не упоминая о своем статусе эмигранта. Благожелательный отклик Лаврова вызвал не только самую горячую благодарность, но и приоткрыл далеко идущие планы Перфецкого, которые он связывал с этой публикацией. Однако, Лавров, не поддерживавший большевиков, конечно, не мог порекомендовать Перфецкому вернуться в СССР. Работа Перфецкого все-таки появилась в советской печати, но уже в трудах созданного в 1931 г. Института славяноведения [6]. К счастью для себя, Перфецкий на родину так и не вернулся, избежав тем самым перспективы отказаться привлеченным по «Делу славистов» [7, с. 219–220].

Большой научный опыт и оценка вклада, который внес историк в становление словацкой историографии Восточной Европы был признан академическим сообществом. С 1939 г. Перфецкий исполнял обязанности ординарного профессора в Братиславском университете, а с 1946 г. он был назначен деканом философского факультета и занимал эту должность вплоть до самой своей смерти в 1947 г.

Так, несмотря на то, что в Словакии оказалось лишь несколько крупных специалистов из числа восточноевропейских историков, занимавшихся историей античности и средневековья, личность Е. Ю. Перфецкого имеет особое значение. Своей педагогической и научно-исследовательской деятельностью Перфецкий сумел внести ценный вклад в становление высшего гуманитарного образования в Словакии и формирование отдельных общественно-научных дисциплин.

Библиографические ссылки

1. *Вандалковская М. Г.* Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 7–26.
2. *Гарбульова Л.* Русские ученые в Словакии: интеракция словацкой и русской науки в 1920–1945 годы // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 64–73.
3. *Жигалов А. Ю.* Изучение «Повести временных лет» в Чехословакии в 1920–1930 гг. // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2013. № 6. С. 106–109.
4. *Карнаухов Д. В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения: монография. Новосибирск: НГПУ, 2010. 291 с.
5. *Вовина-Лебедева В. Г.* Е. Ю. Перфецкий — исследователь летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. С. 436–455.
6. *Перфецкий Е. Ю.* Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Ленинград: Издательство АН СССР, 1932. С. 207–239.
7. *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). Москва: Индрик, 2004. 432 с.